

В императорском кабинете Вэй Чжу стоял в стороне, борясь с подступающей сонливостью. Он взглянул на императора, сидевшего за столом, и опустил голову, чтобы посмотреть на свои пальцы ног.

- Вэй Чжу, который час? - Канси отложил императорскую кисть, зажал ее в руке, откинулся на спинку стула и слегка потер лоб, но не смог скрыть своей усталости.

- Отвечаю императору: уже Хай Ши [1]. - Вэй Чжу подошел на два шага ближе и остановился в нескольких шагах от стола. - Император собирается ложиться спать?

[1] 十一. 十一時 (shí). 9-11 часов вечера (в системе двухчасового деления, использовавшейся в прежние времена).

Глаза Канси потемнели:

- Доложи наложнице Чэн: сегодня вечером она будет прислуживать мне.

Вэй Чжу поклонился:

- Слушаюсь.

Выйдя из комнаты, Вэй Чжу слегка изменился в лице. Сегодня император отправился в Уичжай, но не показался, вероятно, потому, что услышал слова седьмого агэ. Наложница Чэн не служила императору в постели почти месяц, он боялся, что сегодняшняя ночь будет иметь место из-за удачи седьмого агэ.

Седьмой агэ был умен, очень жаль, что...

Он выглянул во двор: деревья, цветы и другие растения выглядели особенно устрашающе в ночное время. Вэй Чжу внезапно пришёл в себя. Он просто слишком много думает. Он отвел глаза и приказал евнуху, ожидавшему в боковом зале, пойти передать императорский приказ.

С первого дня, когда Инью прибыл в Уичжай позже других братьев, время его прибытия каждое утро, казалось, не было ни ранним, ни поздним на фоне других. Через месяц он привык вставать каждое утро в три часа и ложиться спать до восьми часов вечера. Он не знал, было ли это ощущение обманчиво, но после такого количества мучений он действительно почувствовал, что довольно сильно окреп.

Была такая поговорка, которая имела смысл, а именно: «кто рано ложится и рано встает, здоровье, богатство и ум наживет».

В конце октября постепенно похолодало. Приближался день рождения четвертого брата [2], и хозяева дворцов послали своих слуг с подарками.

[2] днем рождения императора Юнчжэна было 13 декабря 1678 года.

Инью шел по дороге, вымощенной голубавто-серым камнем, и от ветра у него немного похолодели кончики пальцев. Сейчас Пекин по-прежнему считает дни по традиционному лунному календарю [3], а григорианского календаря в то время не существовало. Следуя григорианскому календарю, они смогли бы отпраздновать Новый год менее чем через месяц, теперь же все эти праздники закончились.

[3] Китайский календарь, лунно-солнечный календарь, формируется на основе движения Луны и солнца. Его также называют лунным календарем, календарем Инь, календарем Ся или древнекитайским календарем. Каждый китайский календарный год имеет свой знак зодиака, 12 или 13 месяцев, и каждый месяц состоит из 29 или 30 дней.

- Господин, вам холодно? - Видя Инью в таком состоянии, Фу До втайне винил себя за неисполнение долга. - Слуга вернется и принесет плащ для господина.

«В этом нет необходимости, - Инью взглянул на небо. - Уже поздно, ветер в Уичжае не слишком сильный, и, кроме того, я не такой неженка». Сказав это, он не остановился ни на минуту и направился напрямик в сад Чанчунь.

Как только он вошел в сад Чанчунь, то услышал позади себя крик: «Седьмой брат».

Фигура Инью остановилась. В этом саду Чанчунь только один человек мог называть его седьмым братом. С улыбкой на лице он обернулся.

- Восьмой брат, ты пришел рано.

Восьмой брат Иньсы слегка улыбнулся и быстро подошел к Инью, отстав на полшага:

- Седьмой брат на шаг впереди младшего брата, разве ты не пришел рано?

Когда Инью услышал это, он улыбнулся, но в глубине души был поражен. Восьмому брату сейчас всего шесть лет, а его улыбка уже настолько неотразима, интересно, как он будет выглядеть через десять лет. Неудивительно, что некоторые девушки в последующих поколениях скажут, что он был «благородным человеком, подобным лунному сиянию, и нежным, как нефрит».

Среди детей, живущих в глубоком дворце, не было никого, кто был бы так же чист, как лунный свет. Его глаза слегка сузились, как раз вовремя, чтобы увидеть пятого брата недалеко от них. Шаги Инью ускорились, и он в несколько шагов догнал пятого брата Иньци:

- Брат, приветствую тебя.

- Старина [4] седьмой? - Иньци взглянул на него, а затем на Иньсы. - Седьмой брат, восьмой брат.

[4] ǎo - старый. Китайцы любят ставить «старый» перед человеком, к которому они обращаются (по имени или титулу), чтобы подчеркнуть близость и уважение. Дома мы называем наших отцов «лао ба» («старый папа»), а наших матерей «лао ма» («старая мама»). Мужей называли бы «лао гун» («старый муженек», или, более буквально, «старик»), а жен - «лао по» («старая леди»). Когда вы называете кого-то «старина такой-то», это все равно, что по-английски называть кого-то «старый добрый такой-то» или «старый добрый друг».

- Приветствую пятого брата, - Иньсы поклонился Иньци с улыбкой на лице.

- Мы все братья, так что нет необходимости быть такими вежливыми. - Может быть, это потому, что пятый агэ не был воспитан наложницей И, но у него не было темперамента его матери. Пятый брат всегда обращался со всеми вежливо.

Пятый агэ повёл двух своих младших братьев в Учжай. Когда они подошли, до их ушей донёлся спор между старшим братом и наследным принцем, и три человека остановились. Все понимали, что сейчас было неподходящее время для входа, но они уже пришли сюда и не могли просто развернуться и уйти.

К старшему брату в последнее время относились очень благосклонно. Кроме того, император сосватал ему дочь министра домашнего хозяйства [5] Кээркуня, которая принадлежала к Желтому Знамени [6], и через год он должен был покинуть дворец, чтобы построить себе поместье. Чувствуя, что находится на вершине успеха, его поведение неизбежно стало более разнузданным.

[5] основной целью министерства домашнего хозяйства было управление внутренними делами императорской семьи Цин и деятельностью внутреннего дворца (в этих задачах оно в значительной степени заменяло евнухов), но оно также играло важную роль в отношениях династии Цин с Тибетом и Монголией, занимаясь торговой деятельностью (нефрит, женьшень, соль, меха и т.д.), управляло текстильными фабриками в регионе Цзяннань и даже издавало книги. Этот департамент также отвечал за церемониальную и духовную деятельность императорского дома династии Цин. Эти мероприятия включали в себя содержание мавзолеев императоров династии Цин, политеистические богослужения и посмертные дела императорской семьи (присвоение храмам названий и посмертных имен).

[6] Восемь знамен были административными и военными подразделениями при более поздних династиях Цзинь и Цин в Китае, в которые были включены все маньчжурские семьи. На войне Восемь Знамен функционировали как армии, но система знамен была также основной организационной структурой всего маньчжурского общества. На самом высоком уровне Восемь Знамен были классифицированы в соответствии с двумя группами. Тремя «верхними» знаменами (как желтыми, так и простым белым) номинально командовал сам император, в то

время как пятью «нижними» знаменами командовали другие.

Инью вздохнул про себя, как мог старший брат забыть, что, хотя он и старший брат, Иньжэн был наследным принцем, и его учил лично сам государь? Даже если император проявил к нему благосклонность, старший брат не должен был так откровенно радоваться, таким образом, он только напрасно разозлит наследного принца и сделает Хуан Аму несчастным.

После того, как они втроем вошли внутрь, они больше не слышали шума. Инью просто сделал вид, что ничего не слышал, и поклонился: «Инью приветствует наследного принца и старших братьев».

Старший брат сидел в стороне и не обратил на него внимания, в отличие от наследного принца. Он добродушно помахал руками трем младшим братьям со словами: «Нет необходимости в такой вежливости между братьями, давайте все сядем».

Все трое поблагодарили наследного принца и сели за свои столы. Инью достал «Четыре книги» и с головой погрузился в чтение. Когда он переворачивал страницы, его пальцы немного затекли. Осознав, что во всем кабинете не раздавалось ни звука, он немного расчувствовался. Он не ожидал, что конфликт между принцем и старшим братом возникнет так рано.

<http://bllate.org/book/15126/1336918>